

Пролог

— Садись, сын, — крайне мягко произносит отец.

Испытывать его терпение нет никакого желания, но я настолько привык к гневу и ору, что любая просьба проходит по касательной. Напряженно застывая посреди кабинета, смотрю на мнущуюся рядом с ним англичанку, не скрывая неприязни. Какого хрена им от меня понадобилось среди лета? Что такого срочного, что эта клуша заявила к нам домой?

— Че не так?

По факту тупо вынуждаю отца использовать куда более естественный жесткий тон:

— Не начинай кочевряжиться, Кирилл. Садись, сказал. Важный разговор предстоит.

Стискивая челюсти, опускаюсь в кресло. Но старик не спешит сотрясать воздух словами. Продавливает взглядом для начала. Царь Соломон, вашу мать.

Похрен.

Я давно научился выдерживать самые затяжные вступительные паузы с абсолютным безразличием на лице. А вот эта бледная моль, занудная преподаша, которая заметно волнуется. Как ее там? Людмила... Валентина... Татьяна... Да к черту. Неважно.

— В конце августа мы с Валентиной Николаевной заключаем брак.

Какую бы школу жизни мне ни пришлось пройти под кнутом «любимого папочки», эта новость махом выбивает из равновесия. Не то что лицом не владею, в голове все мысли разлетаются. Остается лишь высеченное «заботливым» родителем сообщение. Оно же настырно долбит виски.

Сука, чувак, отомри... Вашу мать...

Да меня будто insult разбил! Пошевелиться не могу, не то что говорить... Когда же первая волна шока отступает, эмоции выдают жуткий хрип в голосе.

— Это приглашение? Или я должен уже сейчас вас поздравить? — иронизируя, мрачно ухмыляюсь.

Перевожу взгляд с разгневанной рожи папочки на бледную физиономию будущей мамочки и задаюсь рядом ожидаемых вопросов. Когда это, мать вашу, произошло? Почему я не знал, что у отца кто-то есть? Ректор и рядовая преподаша — что за блевотная пошлость? Он трахал ее в своем кабинете? Как долго это длится, если они уже женятся?

Но самым главным вопросом, замещающим все прочее, является обыденное: «На хрена?»

На хрена, мать вашу?

Зачем отцу жениться? Супруге он тоже будет отвечать затрешины и подзатыльники, просто потому, что «день выдался тяжелым»? Может, ради этого и заключает брак, чтобы было на ком вымещать свой гнусный характер? Ко мне ведь с недавних пор не рискует приблизиться.

— Не ерничай, Кирилл, — повышает голос, но на крик старик все же не срывается.. Значит, подстилка не в курсе, какой тварью он может быть. Но ничего, очень скоро узнает. Потому что долго держать маску отец не способен. Дома его всегда прорывает. Всегда. — Тебе, черт возьми, девятнадцать! А в этом возрасте совершенно неуместно вести себя, словно обиженный ребенок.

В который раз стискивая с силой челюсти, давя таким образом внутри себя вспышку ярости. Приставив к губам кулак, сдерживаю рвущие нутро слова. Крайне медленно перевожу дыхание, отстраненно отмечая, как при этом гневно трепещут ноздри.

Да пошел он. Пусть выступает. Чертов аспид.

Готов даже поддержать финал аплодисментами, ибо очень занимательной получается эта постановка. Глядя, как яростно двигается выдающий его истинную личину перекошенный рот, половину текста пропускаю мимо.

— У Валентины Николаевны есть дочь. В этом году она поступает в нашу академию. Точнее, поступила. Уже зачислена, безусловно.

Безусловно... Мне-то, мать вашу, какая, на хрен, разница?

— После свадьбы Варя вместе с нами будет жить в этом доме.

Вот это вот... Вот это... Что, блядь? Какого черта?

— Надеюсь, ты понимаешь, что должен будешь вести себя подобающим своему возрасту и воспитанию образом, — голос отца становится еще жестче. Давно различаю малейшие полутона. Просто для справки: сейчас разговаривает со мной, как с зарвавшейся псиной. — Узнаю, что обижаешь... — конечно же, при своей даме не может выдать обычных угроз. Они шокируют даже уголовника-рецидивиста. А в миру «папочка» позиционирует себя, как ебаный, понимаете ли, интеллигент. Профессор Бойко даже матом не ругается, это прерогатива тупорылого быдла. — Будешь относиться к Варе, как к сестре, — последнее — уже четкий приказ.

— Говно вопрос, — отбиваю я.

Не вслушиваясь в бурный поток вразумляющей высокой речи, подрываюсь на ноги. Выхожу из кабинета, напоследок шарахнув дверью с такой силой, что сыплется штукатурка.

Как к сестре... Да не быть такому, никогда!

Глава 1

7

*Когда я впервые увидел ее,
решил, что она, мать вашу,
ангел!*

Кир

— Бойка! Бойка!

День чертовой регистрации брака отца и этой идиотки совпадает с моим баскетбольным матчем. Наверное, впервые в жизни профессор Бойко конкретно так дал маху. Совершать подобного рода оплошности абсолютно ему не свойственно. Представляю, как его рвет на куски. Предъявить ведь претензии некому, себе голову с плеч тяжело срубить. И выдернуть меня из состава недопустимо. Аллилуйя! Дал же кто-то свыше отмашку пропустить гребаное мероприятие, не вызвав у «папочки» приступ бешенства.

— Ки-и-и-ра! Бо-ой-ка!

Крики с трибун давно идут фоном. Не заряжают, но и не отвлекают. Поймав брошенный судья-

ей мяч, останавливаюсь перед штрафной линией и сосредотачиваю взгляд на корзине.

Пять секунд¹...

Нацелен на успех. Никаких компромиссов. Как бы я ни хорохорился, влияние и возможности отца осознаю. Если наша команда не разнесет сегодня «Орсу», он, учитывая все сопутствующее дерьмо, превратит мою жизнь в ад. Временно, но все же.

«Мой сын всегда должен быть номером один. Всегда и во всем первым. Всегда!»

Пока я показываю лучшие результаты, «папочка» доволен и держит в узде свой адский характер. Это единственный способ сохранять баланс и реже видеть его разъяренную рожу с сетью лопнувших капилляров на выпученных в приступе гнева глазных яблоках. Люди думают, что у Рената Ильдаровича давление... Ага.

Мазнув предплечьем по лбу, смахиваю собравшиеся там капли пота. Поднимаю мяч чуть выше головы и, слегка прокручивая, выбрасываю по направлению к корзине. По факту летит тот недолго, но по ощущениям время растягивается. Стадион замирает. На слух улавливаю собственный рваный выдох и стучащий в висках пульс. Пока все это в один момент не сносит волна ликующего ора — мяч проходит в кольцо.

Еще девять минут напряженного противостояния, и закрываем матч победой в одно очко.

---

¹ По правилам игрок должен совершить штрафной бросок в течение пяти секунд. — *Прим. авт.*

Это плохо. Немногим лучше проигрыша.

По дороге в раздевалку прикладываю несколько гребаных попыток, чтобы сглотнуть образовавшийся в глотке ком. Чувствую себя вдруг... двенадцатилетним, тупым, неуклюжим, напуганным и беспомощным. Сердце разгоняет кровь, хотя казалось, что и до этого из-за физической нагрузки превышало верхние границы. Давно так не полоскало изнутри.

Восстановить дыхание удастся только в душе. Пока стою под теплыми струями, глаза прикрываю. Стараюсь не строить предположений, в каком настроении сегодня находится отец, и насколько дерьмово он может воспринять итоговый результат матча. Похрен уже. Я сделал все, что мог. Выложился по максимуму.

Раздевалка гудит, словно улей. Парни обсуждают предстоящую вечеринку и громко ржут.

— Кира! Бойка, черт! — гаркает несколько раз Чара, пока я просовываю голову в ворот футболки и оборачиваюсь. — Валим перед тусой к морю?

Празднование бракосочетания в кругу новоприобретенной родни запланировано на половину пятого. Обещал отцу явиться без опозданий. Помимо англичанки и ее личинки, в довесок, как оказалось, получил деда с бабой. Они якобы специально примчались на долбаное торжество из соседней области. Личинка, походу, прибилась оттуда же.

«Будешь относиться к Варе, как к сестре...»

Да я ее заочно ненавижу! Наверняка она такая же душная уродина, как и ее деревянная мам-

ка. А если даже и нет, все равно ненавижу. Еще я какую-то дуру сестрой не называл! Не то чтобы я верю исключительно в силу крови. Но и брататься с кем попало по указке отца тоже не собираюсь. Пусть сам, если ему так прикипело с этими маргиналами водиться.

В какой-то момент принимаю решение незамедлительно послать всю эту хрень к чертям собачим. Помирать, так с музыкой.

— Валим.

Впрочем, морем мой загул и заканчивается. На тусовку не попадаю. К ночи настолько пьян, звезды глаза слепят. Даже если не двигаюсь, сами мечутся и летают. Кажется, что и не звезды это вовсе, а метеоритный дождь.

Телефон безостановочно вибрирует. Проверять нужды нет. Без того знаю — отец наяривает. Только он не понимает, когда «абонент не абонент», — будет долбить по вышкам, пока не ответишь. Раньше, если видел хоть один пропущенный вызов от него, впадал в панику. Сейчас же пофигу. В разгар очередного затяжного жужжания вытаскиваю чертову трубу из кармана и, размахнувшись, швыряю в море.

— Ты чего? Что вытворяешь, Бойка? — верещит сбоку Маринка. Дышать сразу становится легче. Еще бы эта ненормальная не приставала с расспросами. — Кто звонил? Что случилось?

— Не твое дело.

Сжимая прохладное стекло бутылки, заливаю в горло очередную дозу алкоголя. Отбрасываю пустую тару и падаю спиной на песок.

— Ну, Кир... — заваливаясь мне на грудь, Довлатова скребет, мать ее, ногтем мой подбородок. — Кира? Ты уснул, что ли? Кира?

Поймав ее запястье, грубо сжимаю его пальцами.

— Я тебя просил не лезть своими когтями мне в лицо? — приглушенно цежу я. — Ты совсем тупая, что ли? Ни хрена с первого раза не понимаешь?

— Что... Что... Как ты смеешь? — сердито сопя, Маринка активно хлопает искусственными ресницами. Стопудово этот процесс вызывает где-то ураган. Если уж взмах крыла бабочки способен, то эти замороченные дирижабли и подавно. — Каким тоном ты со мной разговариваешь? — бесится на полном ходу. Только мне похрен. Обычное дело. Попыхтит и успокоится. — Зря я понадеялась, что ты хоть к своей девушке будешь проявлять уважение!

— Ты мне не девушка, — откровенно ржу. Прекращая жалкие трепыхания Маринки, скрепляю оба запястья и дергаю на себя. — Но мне нравится тебя трахать.

— Ты... Ты... — не знаю, что ей мешает сразу заканчивать фразы. Грешит театральными паузами регулярно. По правде, меня порядком раздражает этот ебанутый стиль. Но, судя по всему, это распространенная бабская хворь. — Мудак ты, Бойко!¹

— Так и есть, Довлатова. И ты, безусловно, всегда об этом знала. Так что кончай выезживаться. Лучше отсоси.

— Сам себе соси!

---

¹ Бойко — фамилия Кира, Бойка — прозвище. — *Прим. авт.*

— Не будь сукой. Приступай.

— Ты хоть понимаешь, что я могу быть с любимым? — кричит со звенящим апломбом. — С любимым!

— Так вали. Давай, — разжимая пальцы, отталкиваю ее от себя. — Или заткнись и отсасывай. — Маринка и правда затыкается и даже замирает. Глядит из-под лба, но молчит. — Не можешь сделать выбор? Знаешь, почему? Потому что ты прешься от моей грубости. Ты хочешь, чтобы я тебя принуждал. И намеренно меня провоцируешь.

— Нет!

— Да, — протяжно выдыхаю, выказывая скопившуюся эмоциональную усталость. Хмель, как правило, делает меня на пару-тройку тонов добрее. Но сегодня могу сказать: меня попросту все заебало. Не прикладывая усилий, двумя пальцами толкаю Довлатову в плечо, и она охотно заваливается на спину. Ее даже не волнует, что совсем рядом у костра сидит толпа других пацанов. — Что и требовалось доказать, — ворчу неразборчиво и накрываю ее податливое и мягкое, словно зефир, тело своим...

Опустошив сначала яйца, а несколько минут спустя и желудок, сам не знаю, куда начинаю собираться. Несмотря на пару литров блевотни, которую я оставил за пивным киоском, штормит меня по-прежнему не на шутку. По-хорошему мне бы переночевать в городской квартире. Понимаю ведь, что нарываться не стоит, а все равно за каким-то хером заказываю такси домой.

— Ты серьезно? А как же я? — вопит в открытое окно и одновременно лупит по двери машины Маринка. — Если уедешь... Пошел ты на хрен, Бойка! Я иду к Чаре! Буду трахаться с ним!

— Вперед, — даю добро и, откидываясь на сиденье, прикрываю веки.

По дороге в академгородок отрубаясь. Чтобы растолкать меня, водителю приходится выйти из машины.

— Пункт назначения, сынок, — без задней мысли оповещает, когда я разлепляю глаза.

— Очень, блядь, смешно, — понимаю по своему.

Двор рассекаю гуляющей походкой. На крыльцо далеко не с первой попытки восхожу — то и дело назад тянет. На террасе и вовсе какие-то черепки сбиваю — утром их здесь не было.

— Твою мать...

Машинально выбросив руку, ловлю одно из высоких шершавых растений. По итогу часть его остается в моем кулаке, а горшок с землей скатывается по ступенькам вниз. Второй куст так же быстро устремляется следом, а вазон раскалывается по дороге. Грохот такой разносится, подмывает застыть и поморщиться. Это я и делаю. А пару секунд спустя сам не знаю с чего, — начинаю ржать.

Пьяный смех обрывается, лишь когда распахивается входная дверь. Отшвырнув изувеченное растение, на автомате перехожу в режим защиты. Но вместо разъяренной физиономии отца перед моим одурманенным алкоголем взглядом возникает девчонка.

Я смотрю в ее глаза. Она смотрит в мои.

Я сглатываю.

Если говорить о высших материях, убежден в существовании дьявола и прочей нечисти, а не в бога и его приспешников. Но она кажется мне ангелом. И в ту секунду, забывая о творящемся вокруг меня дерьме, на пьяную башню я верю исключительно в то, что вижу.

Я смотрю в ее глаза. Она смотрит в мои.

Сердце напоминает о своем существовании. Без какой-либо причины разгоняется, набирая скорость, которую не всегда выдает во время спринтерского бега.

Я сглатываю. И еще раз.

Невесть откуда сорвавшийся ветер резко подхватывает ее длинные золотистые волосы и, разбрасывая пряди, касается ядовитыми плетями моего лица.

Да, она ангел. Ангел смерти.

Если б я тогда понимал...

Глава 2

Первой моей мыслью, когда я его увидела, было: «Ну и придурок!»

Варя

Грохот с улицы перекрывает шум закипающего электрочайника, который я, похоже, переполнила выше отметки «максимум». Вздрагиваю и без раздумий бросаюсь из кухни через прихожую к входной двери.

Что могло произойти с моими эуфорбиями?

В том, что кто-то бомбит вазоны, в которые я десять минут назад пересадила мои любимые почти трехгодичные молочайные растения, сомнений не возникает. Все перевезенные цветы не помещаются в выделенной мне спальне, а в других комнатах Ренат Ильдарович «нарушать гармонию» запретил. По поводу террасы скривился жутко, но смолчал.

Распахивая дверь, ожидаю увидеть разъяренного пса, вора-неудачника или даже неловкое

приведение... Но никак не пьяного вдрызг сводного брата! Догадываюсь, что это Кирилл Бойко, и все равно не могу поверить, что он такая скотина!

Я смотрю на него. Он смотрит на меня.

Зрачки его глаз расширяются, заливая серебристо-серую радужку чернотой. Мои, подчиняясь каким-то необъяснимым законам, повторяют тот же фокус — кажется, впервые в жизни я ощущаю это физически.

В груди что-то серьезно тормозит. Неужели сердце? Что с ним не так?

Он пьяный, тут все ясно. А я что? Чувствую себя... странно.

В горле формируется ком. Во рту сохнет. И все слова, которыми забит мой гиперактивный разум, куда-то в один миг исчезают.

Он высокий. Его светлые волосы торчат вверх и немного в сторону. От него несет алкоголем вперемишку с никотином и каким-то тяжелым парфюмом.

Он не уродец, как я втайне надеялась. Даже слегка наоборот. Совсем слегка. Но выглядит как настоящий кошмар! Самовлюбленный, самоуверенный, злющий и наглый, печально известный на всю округу кошмар.

Ну и придурок же он!

Я про таких только в книжках читала.

Ладно... Бабушка учила меня быть дружелюбной. Доброжелательность подкупает и помогает легко установить приятельские отношения практически с любой человеческой особью.

